

СУДЬБА

СЧАСТЬЕ ИЛИ БЛАЖЕНСТВО? ТРИ ВЫБОРА АНДРЕЯ БОЛОТОВА

© 2016

Т. В. Артемьева

**Артемьева
Татьяна**

Владимировна — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры факультета философии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Постоянный автор журнала. E-mail: tatart@mail.ru

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФНФ. Проект №14-03-00110.

¹ Обе переизданы в кн. [8].

Многие философские понятия русского языка XVIII века изменили свой смысл, а их использование требует контекста и пояснения. Важной этической оппозицией были понятия “счастье” и “блаженство” [15]. “Счастье” употреблялось в значении “удача” на государственном, общественном, личном или каком-либо ином поприще, в то время как “блаженство” рассматривалось как “истинное благополучие” и связывалось “с покоем на лоне природы”. Именно эта оппозиция, исчезнувшая в современном языке, но важная для эпохи Просвещения, становится ключевой для понимания системы жизненных ориентаций людей того времени. Кто-то предпочел “счастье”, удачу, везение, но немногие, в числе которых был наш герой, — стремились к “блаженству” — устойчивому благосостоянию не зависящему от случая.

Имя А.Т. Болотова (1738–1833), как ни странно, мало знакомо отечественным историкам философии. О нем больше пишут историки [17; 23], благодарные за обширные архивы и филологи, завороченные самобытным стилем его мемуаров [9], но разочарованные нескладностью поэзии. Меньше всего это связано с самой философией Болотова — с обилием и разножанровостью текстов, а также многообразием и глубиной рассматриваемых проблем. Болотов — автор довольно серьезных философских произведений: еще при его жизни вышли две фундаментальные работы — “Детская философия” (1776–1779) и “Путеводитель к истинному человеческому счастью” (1784)¹, — в наше время еще несколько [6; 7; 18]. Значительное количество небольших философских эссе в сборнике “Забавы, живущего в деревне”, многотомном рукописном журнале “Собрание мелких сочинений в стихах и прозе” и другие еще ждут своей публикации и исследования.

Хотелось бы оставить за скобками вопрос о популярности. Боюсь, это связано не столько с сочинениями Болотова, сколько с особенностями развития современной истории отечествен-

ной философии, неохотно вписывающей в свои анналы новые имена. В творчестве Болотова изумляет другое. Болотову удалось применять философию по ее прямому назначению, как “любовь к мудрости”, используя для принятия важных решений. Он всегда следовал своим принципам, но они не были ему в тягость. Он делал свободный выбор, но всегда выбирал лучшее. Ему не нужно было “счастье”, он искал “блаженства”.

Проблема свободы, или свободы воли, всегда стояла в центре философских размышлений. Действительно, свобода предоставляет человеку выбор, и он может оказаться не самым лучшим. Как может этому попустительствовать Бог? Конечно, человек может ошибиться и сделать неправильный выбор по незнанию. Но почему тогда ему не дана мудрость найти правильное решение? А если человек действует под влиянием эмоций и не может им противостоять, прекрасно понимая, что, скорее всего, совершает неправильный поступок, то почему ему не дана сила? Как сделать выбор, когда нас влечет чувство, и способен ли разум ему противостоять?

Болотов прожил длинную жизнь. Похоже, он прожил ее именно так, как считал нужным: он делал свободный выбор, а потом наслаждался результатом.

Первый выбор. Образование и наука

Несмотря на высокий статус знания и образованности в эпоху Просвещения, эти качества не были обязательными вне определенного круга, к которому Болотов не принадлежал. Он родился в семье мелкопоместных дворян. Отец его был военным и по долгу службы должен был следовать за своим полком. Конечно, он старался дать сыну образование, насколько это было возможно в полупоходных условиях. Большое значение для молодого Болотова имело пребывание в доме курляндского дворянина Неттельгорста, где он выучил немецкий язык и начал учиться рисовать. Некоторое время он обучался в Санкт-Петербурге в пансионе Ферре. Живя в Петербурге в доме генерала Маслова, он “на слух” усвоил геометрию и фортификацию, которую преподавали сыновьям генерала. Ему пришлось самому выстраивать свой образовательный маршрут, пользуясь возможностями, которые давала судьба. В своих воспоминаниях Болотов пишет, как сложно ему доставался каждый новый уровень и сколько сил нужно было приложить там, где в более обеспеченных семействах достаточно было лишь следовать указаниям наставника. Однако в этом заключался первый выбор молодого человека. Науки пленили его, ему хотелось знать все больше, и он, как губка, впитывал не только знания, но и способы, какими их можно было приобрести и приумножить.

Родители Болотова умерли, когда он был еще очень молод. В 16 лет он начал военную службу и участвовал в Семилетней войне (1756—1763). В 1758 году был назначен письмоводите-

СУДЬБА

лем, а затем переводчиком при канцелярии генерал-губернатора Пруссии Н.А. Корфа в Кенигсберге, где пробыл до 1761 года. Это и стало его *Grand Tour* — путешествием, которым молодые аристократы завершали образование и воспитание. Болотов не только знакомится с жизнью большого европейского города, но и активно включается в университетскую жизнь. Все свободное время молодой офицер использует для приобретения новых знаний. Он общается с университетскими профессорами, слушает лекции по философии Д. Веймана, встречается с Кантом², много читает, рисует (по его эскизу отчеканена новая российская монета), переводит, пишет сам, ходит в театр, играет в любительских спектаклях. По просьбе старших по званию, Болотов курирует образовательный процесс их сыновей, по сути выполняя функцию тьютора. “...Все сие сделало меня и в университете известным и приобрело мне и от всех тамошних профессоров честь и особое уважение, простиравшееся даже до того, что они при каждом университетском торжестве и празднестве не упускали никогда приглашать и меня вместе с прочими знаменитейшими людьми к присутствованию при оных, и все оказывали мне, как бы уже ученому человеку, особливую вежливость и учтивство” [9], — замечает он.

В более позднем автобиографическом сочинении 1819 года [5] он пишет, какие именно науки ему удалось изучить самостоятельно, в чем ему помогло отличное знание немецкого языка и хорошее — французского. В центре его интересов была философия, “царица наук” (в том смысле, как ее понимали в XVIII веке), включавшая в себя метафизику, физику, этику и экономику. Метафизика его привлекала не формальной своей стороной. Он сначала увлекся, а потом жестоко разочаровался в философии Христиана Вольфа (1679—1754), которая казалась ему слишком формальной. Болотов полагал, что Вольф чересчур рационалистичен и это может войти в противоречие с верой: философия “вольфианская и хорошего христианина превращала почти всегда в худого или паче в самого деиста и маловера” [9]. Утрата веры была бы для Болотова духовной катастрофой, но он сумел предотвратить ее чтением сочинений Христиана Августа Крузия (1715—1775) [11] — одного из самых известных противников Вольфа. Этическое учение Крузия о воле и свободе, сформулированное в главе “Телематология”³ “Руководства к разумной жизни” [22], произвели на Болотова настолько сильное впечатление, что он выучил ее наизусть и перевел на русский язык. Крузий писал, что свобода есть главная нравственная ценность, а добродетель является залогом счастья. Мыслитель полагал, что в основе нравственного закона лежит способность человека самостоятельно выбирать направления своего развития с помощью свободной воли. Теоретическое обоснование возможности управлять собой, а также противостоять “одолеванию страстей” покорили Болотова. “...Философия сия имела великое влияние на всю мою нравственную

² Знаменитый мыслитель не произвел на Болотова значительного впечатления. В письме 1809 года к своему родственнику Н.С. Арцыбашеву Болотов пишет: “<...> скажу, что и мне случилось-таки в свой век побродить по обширным степям метафизики, [<...>] и спознаться с системами и мыслями славнейших философов последних веков, а великого или прямее сказать бестолкового Канта лично самому видать” [цит. по: 23, р. 192. Appendix].

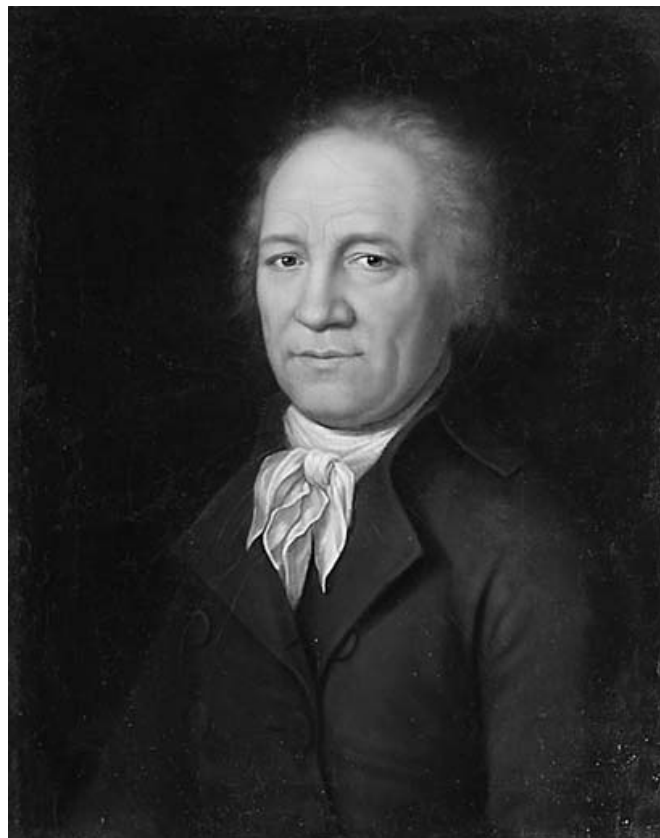
³ Телематология — учение о воле и ее свободе.

жизнь и я много ей обязан за истинное благополучие, которым я в жизни моей пользовался. Она научила меня самого себя узнать, прилепила к познанию и любви Бога и ко всему доброму”, — пишет Болотов [5, л. 174, об].

Его привлекали не отвлеченные философские материи, а возможность практического использования знаний о человеческой природе для управления собственной жизнью. Он полагал, что страсти, увлечения, пороки могут отступить перед образованным человеком, вооруженным силой мысли и знания. В этом смысле он, конечно, был вполне человеком своей эпохи — эпохи Просвещения.

Если философия Крузия изменила представления Болотова о метафизике, то сочинения Иоганна-Георга Зульцера (1720–1779) сформировали его вкус. Именно Зульцер ввел понятие “чувствительность”, “чувство” как особой способности, которая позволяет производить эстетическую оценку не только в искусстве, но и в природе. Что особенно важно было для Болотова, Зульцер не разделял эстетические, интеллектуальные и нравственные начала, полагая, что искусство способно не только доставлять эстетическое удовольствие, но и благотворно воздействовать на нравственность [11, с. 83–84]. Болотов писал: “...никому из всех немецких сочинителей не обязан я так много в жизнь мою, как господину Зульцеру. Он... обоими маленькими и свету довольно известными книжками о красоте природы⁴ спознакомил меня первый с устройением мира, влил в меня охоту к физическим знаниям и научил узнавать, примечать и любоваться красотами и прелестями природы и чрез самое то доставил мне в последующие потом дни, годы и времена бесчисленное множество веселых и драгоценных минут в жизни” [9]. Позже Болотов напишет “Письма о красотах природы” и “Живописатель природы” [7], в жанре, который публикатор этих текстов А.К. Демиховский определил как “лирико-философская проза”. В этих текстах он делает природу объектом эстетического наслаждения и любования. Читая их понимаешь, отчего наш герой так любил сельскую жизнь и стремился к ней.

Все прочитанное и услышанное Болотов записывает и систематизирует. В рукописном отделе Российской национальной библиотеки хранится тетрадь его конспектов “Различные нравоучительные сочинения, переведены из разных книг” [19]. Оглавление включает разделы: “О благополучии человеческого”, “О понятии, которое нам иметь о Боге”, “О верховей-

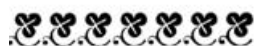

Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833).
Неизвестный художник. Конец XVIII века

⁴ Вероятно, “Беседы о красоте природы” и “Мысли о происхождении наук и искусств” [23; 24].

СУДЬБА

шем ли величайшем благе человеческом”, “О спокойствиях в жизни”, “О счастии” и др. [там же, л. 2]. Там можно найти и чистовой автограф его записной книжки [1]. Видно над составлением ее молодой человек провел не один час. Записи носят систематический характер. В конце приводится “Реестр, вещам, находящимся в сей книге”, где по алфавиту приводится список разделов, например на “А” — “амбиции иметь не надобно”, или на “Б” — “беззакония, иметь отвращения от них”.

Болотов вовсе не ученый сухарь. Он сочетает с “учеными упражнениями” “увеселения и забавы”, но только такие, которые считает “благородными и позволительными”. Пьет кофе в трактире, наблюдая “философическим оком” за местными нравами и читая иностранные газеты, играет в “ломберок” с товарищами, посещает публичные сады, гуляет в городских окрестностях, наслаждаясь прекрасными пейзажами.

Болотов полагает, что человек сам творит свою судьбу, поэтому осуждает “фаталистов”: “Не меньше опасайся в руки так называемых фаталистов попасться. Тебя уверят, что все приключения на свете неминуемы и ты что бы делать ни стал, но впоследствии с тобою то, чему быть надлежит, следовательно ты ничем того отвратить не можешь” [там же, л. 89–90].

Болотов сделал первый выбор и сформировал свои нравственные качества и интеллектуальные запросы. Из неловкого и невежественного провинциала он превратился в образованного молодого человека с широким кругозором и разнообразными интересами.

Выбор второй. Светская карьера vs жизнь просвещенного помещика

Можно ли быть творцом своей судьбы? Можно ли прожить жизнь по плану в стране, где ломаются устои, проводятся реформы, меняются ориентиры? И да и нет. Пока действовал закон об обязательной службе, Болотов добросовестно тянул лямку и находил возможность реализовывать свою любовь к наукам в свободное от службы время. Когда же появилась возможность сделать выбор — он его сделал, отказавшись от обязательной службы и отправившись хозяйничать в свое имение. Болотов полагал, что сам определяет свою жизнь и не раз демонстрировал это в реальности.

Новый этап в жизни Болотова начался после перевода его в Петербург, где он встретил Г.Г. Орлова, своего кенигсбергского приятеля, с которым вместе “хаживал танцевать по мещанским свадьбам” [9]. Орлов хотел привлечь Болотова к заговору против Петра III, но тот не пожелал отступать от своих жизненных правил. Он не захотел даже подробно познакомиться с предложением, которое, возможно, могло бы выдвинуть его в высшие эшелоны дворянской элиты (или разрушить его жизнь и карьеру). Болотов не желал полагаться на волю случая,

кроме того, он и не испытывал влечения к придворной жизни. Воспользовавшись возможностями манифеста “О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству” 1762 года, Болотов оставляет службу и едет в свое имение Дворяниново Тульской губернии, где отдается захватившей его в юности страсти к познанию мира.

Он эмоционально пишет о реакции на Манифест современников: “Не могу изобразить, какое неописанное удовольствие произвела сия бумажка в сердцах всех дворян нашего любезного отечества. Все вспрыгались почти от радости и, благодаря государя, благословляли ту минуту, в которую угодно было ему подписать указ сей” [там же]. Для самого Болотова этот документ стал особенно важным “Я сам себя почти не вспомнил от неописанного удовольствия и не верил почти глазам своим при чтении оной. Я, полюбив науки и прилепившись к учености, возненавидел уже давно шумную и беспокойную военную жизнь и ничего уже так в сердце своем не желал, как удалиться в деревню, посвятить себя мирной и спокойной деревенской жизни и проводить достальные дни свои посреди книг своих и в сообществе с музами, но до сего не мог льститься и малейшею надеждою к тому” [там же].

Возможность относительно независимого существования после Манифеста о вольности дворянства способствовала возрастанию интереса к социальным технологиям, разработке моделей идеального общественного устройства, а так же организации собственной жизни в соответствии с этими идеалами. Литература второй половины XVIII века изобиловала патриархальными утопиями, описывающими размеренную и счастливую жизнь “благоразумных владельцев” и их благодарных чад. Идеальный образ утопического “хозяина” разрабатывался не только теоретически, но и практически, в реальной жизни. Жизнь Болотова-помещика яркий тому пример. Результатом его деятельности становятся не только тексты статей, книг и записок, но и культурно преобразованное жизненное пространство: хорошо организованное хозяйство и садово-парковый комплекс.

В своих мемуарах Болотов рассказывает о жизни в отставке, из них мы можем узнать “...как по приезде из службы в отставку обостроживался я в маленьком своем домишке, как учился хозяйничать и привыкал к сельской экономии, поправлял и приводил в лучшее состояние свое домоводство, как познакомывался с своими соседями и приобретал их к себе в дружбу и любовь; как потом женился, нажил себе детей, построил дом новый, завел сады; сделался экономическим, историческим и философическим писателем и вообще, как и в чем наиболее препровождал праздное время: чем себя занимал, чем веселился и что предпринимал для сделания себе уединенной сельской жизни приятною и веселою <...>” [там же].

Он становится “просвещенным владельцем”, создавая идеальную модель жизни и одновременно следуя ей. С 1774 года

СУДЬБА

Болотов трудится в должности управителя собственных имений Екатерины II в Киясовской волости, а с 1776 становится управителем дворцовых имений в Богородицке. Его деятельность в эти годы многообразна и успешна. Он занимается планом застройки Богородицка, создает прекрасный пейзажный парк [14; 16; 17].

Он сотрудничает с первыми российскими сельскохозяйственными и экономическими изданиями — журналом “Сельский житель”, “Экономический магазин”, “Труды Вольного экономического общества”. В 1794 году Саксонское королевское экономическое общество в Лейпциге избирает его почетным членом. В это же время он увлекается естественными науками, проводит опыты с электричеством и даже сам использует его в медицинских целях.

Помещичья жизнь предполагала не только организационно-воспитательные усилия, но и знакомство с передовыми сельскохозяйственными, строительными, пищевыми технологиями, принципами торговли, умением организовать небольшие производства. Она делала необходимыми общие медицинские познания, так как жизнь в имении часто требовала от хозяев оказания неотложной помощи себе, членам своего семейства и крестьянам. Для этого выпускались многочисленные лечебники, “врачебные наставления” [20], “лекарственники”⁵. Стараясь быть в курсе современных научных открытий, Болотов собирает “электрическую машину” и лечит себя, членов своей семьи, крестьян [2; 4]. Результаты он записывает в журнал [3] в котором мы можем найти множество примеров, когда лечение “электрицизмом”, по сути физиотерапия, давало положительные результаты. Это лечение стало популярным гораздо позже, в середине XIX века [12], и постепенно заняло важное место в медицине.

Болотову нравится мирная и спокойная деревенская жизнь, насыщенная заботами, делами, успехами и новыми открытиями. Он, по его собственным словам, “ощущал в знатном градусе то истинное блаженство жизни, за которым толь многие гоняются, но толь немногие находят” [9].

Выбор третий. Любовь или трезвый расчет?

Природа влюбленности всегда интриговала мыслителей. Впервые Болотов задумался об этом, когда увидел фаворитку Петра III Елизавету Воронцову “Что ты говоришь? — оцепенев даже от удивления, воскликнул я. — Эта-то Елисавета Романовна! <...> Ах! Боже мой <...> да как это может случиться? Уж этакую толстую, нескладную, ширококорожую, дурную и обрюзглую совсем любить и любить еще так сильно государю?” [там же]. Некрасивая девушка, которую его сестра пригласила в гости, хотя и выгодная невеста не могла разбудить его чувства, хотя и привлекла внимание. “Деревни тамошние были в самом

⁵ Один такой Болотов составил сам [13].

деле таковы, что стоило того, чтоб помыслить о женитьбе в тамошней, мне с младенчества приятной стороне, а особливо, если б случилось найти невесту по своим мыслям. Но как мысли сии имели тесное сопряжение с сердцем, а сердце было во мне не топорной работы, а рождено было уже с нежнейшими чувствованиями <...>” [там же], — пишет Болотов.

Зажив помещиком, Болотов решил создать семью. К поиску жены он подошел очень серьезно. Ему хотелось найти девушку, которая разделяла бы его интересы и была склонна к тихой деревенской жизни. Кроме того, он не хотел жениться на бесприданнице.

Судьба сыграла с молодым философом злую шутку. Наш герой влюбился в “неподходящую” девушку — Пелагею Бакееву. Ему в то время было 25 лет. “Девушка лицом очень хороша, и рост имела прекрасный и пропорциональный, и фигуру представляла собою во всем прелестную, — но и жива, умна, приятна, ласкова и одарена всеми качествами, делающими девицу совершенною” [там же] — пишет Болотов.

Однако увлечение не лишило молодого человека рассудительности. Девушка приходилась ему дальней родней, была младшей дочерью и по обычаю должна была выйти замуж после старшей сестры. Кроме того, ее жених не мог рассчитывать на значительное приданое. Однако даже не это казалось Болотову непреодолимым препятствием. Гораздо более опасной казалась ему возможность утраты эмоциональной свободы. Ему хотелось самому контролировать свои чувства, а не следовать им слепо: “Господи! что это такое?.. Только и мыслей что об ней; только она, да она!.. Уж даровое⁶ ли, право, это? <...> Уж не влюбился ли я в ее? И не любовь ли уже это шутить надо мною изволит?.. Чего доброго: прелестям таким немудрено хоть кого заразить!.. Однако я <...> покорно благодарствую! Мне сего бы очень не хотелось. Пропади она, эта любовь, и со всеми ее сладостями! Мне как можно надобно от нее остерегаться. Заразит, проклятая, так и сам себе не рад будешь” [там же].

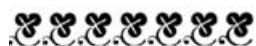
Последняя встреча развеяла все иллюзии. Девушка не разделяла интерес Болотова к жизни в деревне и откровенно продемонстрировала полное равнодушие, когда он показывал ей свою усадьбу, “к тому присовокуплялась и примеченная мною в ней отменная привязанность к московской суетной светской жизни и совершенный недостаток в таких склонностях, какие хотелось мне иметь в своей будущей подруге, то все сие, а при всем том и самый недостаток приданого и удерживал меня не только от сватовства, но даже и от объявления ей любви своей” [там же]. Болотов хотел найти “товарища” равного себе по воспитанию, интересам и достатку, поэтому решил отказаться от этой партии, стараясь “употребить все, что только могла предписывать мне философия моя к преодолению страсти моей” [там же].

Сказано — сделано: “Не успел я сим образом сам о себе усумниться и воспрять некоторое подозрение, как при помыш-

⁶ Даровое — беда, напасть.

СУДЬБА

лении дорогою на досуге час от часу более о том пришла мне на мысль вся прежняя моя философия и все правила ее, которым положил я следовать во все течение жизни моей. Я вспоминал все, что предписуется ею в таких случаях, и положил с того же часа начать преоборать страсть сию, употребляя к тому все предписуемые ею средства. И как главнейшим средством почиталось то, чтоб не давать мыслям о том возобновляться часто, но чтоб оные прогонять и пробудившиеся тотчас засыплять опять, то и практиковался я в том во всю дорогу, и имел в том, как казалось, и успех довольно хороший” [там же]. Конечно, это было непросто: “...Не так легко и скоро можно было произвести в действие, как я сперва думал, а потребно было к тому все философическое искусство и наблюдение всех правил, предписываемых к тому ею. И не один раз принужден я бывал делать себе превеличашее насилие и с слезами почти на глазах выгонять из головы лестныя и приятныя помышления и напоминания об ней, а производить, напротив того, противоположныя и такія, о которых известно было мне, что они всего скорее и удобнее силу страсти уменьшить и ее, наконец, совсем обессилить и засыпить могут. И могу сказать, что ни при котором случае я изящною Крузиевою философіею, а особливо его наукою телематологию так много не воспользовался, как при сем. Она помогла мне всего более преодолеть в сей раз всю любовь свою и чрез немногие дни успокоить себя почти совершенно” [там же]. Таким образом, Крузий снова спас Болотова но только уже не от мировоззренческого кризиса, а от несчастной любви.

Болотов продолжил искать подходящую кандидатуру. Бабушка посоветовала ему девушку, “из фамилии Хотайнцовых” и устроила смотрины. Но и она не понравилась нашему герою: “Она была хотя недурна собою, но показалась мне девушкою уже гораздо посидевшею и притом столь дородною и толстою, что и один взгляд на нее привел меня уже в замешательство. А как, сверх всего того, была она впрах разряжена, разбелена и разрумянена и оказывала себя наиревностнейшею подражательницею всей модной московской светской жизни, так мало со всеми склонностями моими сообразной, и в поступках своих, в разговорах и поведении столь вольною, что я, увидев все сие, даже содрогнулся” [там же].

После этой неудачи Болотов обратился к проверенному средству — к свахе, которая и нашла ему кандидатуру — Александру Михайловну Каверину. Девушка, а точнее, девочка не очень подходила Болотову, так как ей было всего двенадцать лет. И мать и потенциальный жених решили немного подождать, не связывая себя взаимными обещаниями. Свидание, которое они устроили в третьем доме не очень воодушевило Болотова: “<...> Колько не желал я в образе ее найти что-нибудь для себя в особливости пленительное, но не мог никак ничего найти тому подобного: великая ее молодость была всему тому причиною” [там же].

Задумываясь о своей молодой, как он ее называл “запасной невесте” Болотов стал коротать время написанием текста, который хотел приобщить к своим философским увлечениям свою возможную супругу. Он видел в будущей спутнице жизни не только хранительницу семейного очага, но и “товарища”, способного разделять его интересы. Так появилась на свет “Детская философия”.

Она стала своеобразным “учебником” для юной супруги философа. Форма изложения была подсказана Болотову популярными философско-педагогическими сочинениями писательницы Лепренс де Бомон. “Мне хотелось, подражая некоторым образом госпоже де Бомон, изяснить таким же легким и удобопонятным образом для детей всю наиважнейшую часть метафизики или естественную богословию; а притом, все сочинение расположить так, чтоб оно могло послужить в пользу и будущей молодой жене моей” [там же]. Мари Лепренс де Бомон (1711–1780) известна современному читателю по сказке “Красавица и чудовище”, по мотивам которой С.Т. Аксаков написал “Аленький цветочек”. Эта история стала настолько популярной, что в отдельных изданиях репрезентируется как русская народная сказка.

Писательница разработала особый метод объяснения детям религиозно-философских проблем. Она сочиняла небольшие сценки в виде диалогов между девочками и их наставницами, в которых в форме вопросов и ответов разъяснялись сложные ситуации.

Между тем Болотов продолжил свое сватовство, правда, не без долгих колебаний. Он не был влюблен, невеста была слишком юной и не проявила еще своего характера. Впрочем, Болотов понимал, что близкое знакомство с девушкой, “которой бы и нрав и все душевные склонности и дарования мог бы я узнать коротко” [там же], маловероятно в его среде. Да он и не стремился жениться “по любви”, так как искал себе подругу на всю жизнь и боялся, что пылкие чувства заставят его принять неверное решение. Не следует забывать, что практика “разумного выбора” спутника жизни еще не была опровергнута идеалами романтизма и соответствовала дворянскому этосу гораздо больше брака по страсти. Близкие советовали жениться, так как сочли невесту “подходящей”: одна дочь у матери, которая по молодости жены может первое время выполнять обязанности хозяйки дома, нет многочисленной родни, с которой нужно считаться, неплохое приданое, “своего” круга, деревенская жительница, нет других серьезных альтернатив и т.п.

Больше всего Болотов боялся, что невеста не расположена к нему, не будет ему “товарищем” и не будет разделять его интересы и ценности. Особенно его это мучило на начальном этапе сватовства, когда девочка, возможно еще игравшая в куклы, не могла и не умела выказать к нему интереса и поддержать

СУДЬБА

разговор. Вероятно, она не только робела, но и побаивалась своего будущего мужа. Болотов досадовал, что местные сплетницы характеризовали его как колдуна и чернокнижника, “а та, по молодости <...>, поверив тому, и ну плакать” [там же].

До самой своей женитьбы Болотов не был уверен, правильный ли он сделал выбор. “<...> Иногда по целому часу хаживал я по любимой своей и под тению деревьев в саду проложенной и пробитой тропинке взад и вперед, и углублялся в философические размышления и предварительные суждения о будущей и неизвестной судьбе своей” [там же], отмечая, что: “Ни в которое время не нужна была и не помогала мне так много моя философия, как в сие, которое можно почесть самым критическим в моей жизни” [там же].

Нужно сказать, что надежды Болотова оправдались лишь отчасти. Жена осталась равнодушна к его хозяйственным и ученым занятиям. Болотов даже жалуется на ее холодность: “Не мог я от ней ни малейших взаимных и таких ласк и приветливостей, какие обыкновенно молодые жены оказывают и при людях и без них мужьям своим” [там же]. Ему не остается ничего большего, как воспринимать все это с “философическим твердодушием”.

Правда, мать его супруги — Мария Абрамовна — оказалась совершенно тем человеком, которого Болотов хотел видеть рядом в деревенском уединении. Она всецело разделяла интересы своего зятя, его вкусы, живо обсуждала его сочинения и переводы. Болотов пишет: “Одним словом, был у меня человек, которому мог я все и все сообщать и который мог брать во всем относящемся до меня, и как в приятных, так и в самых неприятных вещах и происшествиях, живейшее и искреннейшее соучастие. А сего с меня было и довольно: ибо сего только мне холостому и недоставало, сего только я добивался” [там же].

Не нужно думать, что Болотов был аскетом, лишенным эмоций. В минуты увлечений он мог дать волю чувствам. Так во время охоты на зайцев, которую он осуждал, Болотов увлекся и забыл все свои принципы: “Я сколько ни философствовал, едучи в сей раз на поле <...> но вся моя философия вспыхнула и исчезла как дым, как скоро увидел я пред собою зайца! <...> И тут единой секунды и единого воззрения на него довольно было к тому, чтоб лишить меня всего рассудка и довести до того, что я, забыв себя и забыв все на свете и все опасности, забыв и то, что у меня не было ни собаки, ни пистолета и ничего кроме одного прутика в руках, а закричав и завопив, как сумасшедший, бросился и поскакал без ума, без памяти в след за побегшим от меня прочь зайцем и поскакал так, как родясь еще никогда не скакивал” [там же].

В 1769 году Болотов задумывается над написанием книги, которая могла бы объяснить природу человеческих чувств. Болотов назвал ее “Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философических разсуждений о благополучии человеческой жизни и о сред-

ствах к приобретению онаго”. Особенно интенсивно он работал над ней в конце 1772 года, завершив ее в декабре [там же].

Книга писалась легко, так как являлась результатом многолетних раздумий над природой чувств, страстей и возможности укротить их с помощью разума. Болотов неоднократно читал ее своим друзьям и детям, чтобы “образовать их умы и сердца и полагать основание к любви христианского закона и добродетельной жизни” [там же].

Сочинение представляет собой развернутую метафору, поясняющую, как именно происходит эволюция безобидного желания в могучее чувство, которому невозможно противиться, и как можно этому противостоять.

Наши желания, полагает Болотов, всегда жаждут пищи, а получив ее в достатке, они без труда овладеют разумом, поэтому нужно следить и за тем, чтобы они были “сыты”, но не “перекормлены”, иначе они увеличатся в размерах и будут требовать все больше. Так, из желаний они превращаются в привычку и страсть. На этом свойстве и основана идея Болотова о возможности управлять своими чувствами и подчинять их разуму. Душевная работа должна быть направлена на желания, “звериная” сущность которых должна быть “укрошена”. Поэтому истинный философ всегда может управлять своими страстями, а в этом залог блаженной жизни.

Существует легенда, что как-то Сенеку спросили, отчего принципы его философского учения расходятся с принципами его жизни. Мыслитель ответил, что он учит не своим примером, а своими сочинениями. А.Т. Болотов мог бы ответить иначе. В его жизни такого противоречия не было.

Литература

1. *Болотов А.Т.* Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях записанных Андреем Болотовым. Кенигсберг, 1761 (РО РНБ Ф. 89 Болотовы А.Т., П.А. и М.П. Ед. хр. 5).

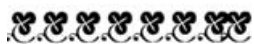
2. *Болотов А.Т.* Краткия и на опытности основанныя замечания о электрицизме и о способности электрических махин к помоганию от разных болезней с изображением и описанием наипростейшаго рода махин и разных способов, употребляемых при врачевании ими болезней. СПб.: Императорская Академия наук, 1803.

3. *Болотов А.Т.* Исторические записки всем происшествиям, относящимся до электризования с 1804 года, 1804 (РО Института русской литературы 537/19. Архив Болотова А.Т. 24 лл.).

4. *Болотов А.Т.* О врачебной электрической силе или электрицизме. (РО РНБ Ф. 89 Болотовы А.Т., П.А. и М.П. Ед. хр. 102). Неопубликованный трактат.

5. *Болотов А.Т.* Краткия записки о значительнейших происшествиях со мною в 82 год моей жизни, могущия служить для сочинения истории сего времени и некоторыя общия замечания, касавшиися до моей жизни и характера. 1819 (РНБ ОРИ Ф. 89 Болотовы А.Т., П.А. и М.П. Ед. хр. 53. 218 лл.).

6. *Болотов А.Т.* О душах умерших людей / Подготовка текстов, вступ. ст., коммент. Т.В. Артемьевой. СПб.: Алетейя, 2006.

СУДЬБА

7. *Болотов А.Т.* Избранное / Сост., статьи, текстология, коммент. А.К. Демиховский. Псков: ПОИПКРО, 1993.
8. *Болотов А.Т.* Детская философия / Подготовка текстов, вступит. ст., коммент. Т.В. Артемьевой, М.И. Микешина. СПб.: Петрополис, 2012.
9. *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков // Lib.ru/Классика [Электронный документ]. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/ (дата обращения: 9.01.2016).
10. *Болотов А.Т.* О цели и порядке всех познаний человеческих / Вступит. ст., коммент., подготовка текста Т.В. Артемьевой // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 4(13).
11. *Жучков В.А.* Конструктивно-полагающая природа познания и понятие нравственного закона у Хр. А. Крузия // Из истории немецкой философии XVIII в. (Предклассический период). М., 1996.
12. *Ковалевский О.* Курс теоретической и практической электротерапии. Об электричестве и методическом его применении к врачевным целям. Ч. 1. СПб., 1858.
13. Лекарственный, состоящий в изчислении разных и наиболее простых лекарств, употребляемых для лечения болезней родов разных, извлеченных из Экономического магазина и из опытности Андреем Болотовым в Дворянинове, 1808 (РО РНБ Ф. 89 Болотовы А.Т., П.А. и М.П. Ед. хр. 98. 210 лл.).
14. *Любченко О.Н.* Есть в Богородицке сад. Тула.: Приокское книжное издательство, 1984.
15. *Орлов П.А.* Счастье и блаженство в поэзии XVIII — начала XIX века // Русская речь. 1983. № 5.
16. *Перкин Е.Н.* Дворяниново в зеркале столетий // Библиография. 2003. № 3.
17. *Щеблыгина И.В.* Пейзажный парк XVIII в. и зарождение русской национальной традиции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История, 2000. № 2.
18. О цели и порядке всех познаний человеческих / Вступит. ст., коммент., подготовка текста Т.В. Артемьевой // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 4(13).
19. Различные нравоучительные сочинения, переведены из разных книг. Кенигсберг, 1763 (РО РНБ Ф. 89 Болотовы А.Т., П.А. и М.П. Ед. хр. 58. 136 лл.).
20. *Чулков М.Д.* (ок. 1743—1792). Сельский лечебник, или Словарь врачевания болезней, бываемых в роде человеческом, также в роде скотском, конском и птиц домашних: Собранный из печатных сочинений. М.: Тип. Пономарева, 1789—1805.
21. *Щеблыгина И.В.* А.Т. Болотов: Гармония мира и души. М., 2003.
22. *Crusius Ch.* Anweisung vernünftig zu leben: Darinnen nach Erklärung der Natur des menschlichen Willens die natürlichen Pflichten und allgemeinen Klugheitslehren im richtigen Zusammenhange vorgetragen werden. Leipzig: verlegt Johann Friedrich Gleditsch, 1751.
23. *Newlin Th.* The Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxieties of Russian Pastoral. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2001.
24. *Sulzer J.* Georg Unterredungen über die Schönheit der Natur. Berlin: Haude und Spener, 1750.
25. *Sulzer J.* Georg Gedanken über die beste Art die claßische Schriften der Alten mit der Jugend zu lesen. Berlin: Voß, 1765.